

Юлия Краковская

ВСЁ

СЛОЖНО

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Юлия Краковская
Всё сложно
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»

*Текст предоставлен издательством
Всё сложно: Флюид ФриФлай; Москва; 2019
ISBN 978-5-906827-07-4*

Аннотация

Роман Юлии Краковской поднимает самые актуальные темы сегодняшней общественной дискуссии – темы абьюза и манипуляции. Оказавшись в чужой стране, с новой семьей и на новой работе, героиня книги, кажется, может рассчитывать на поддержку самых близких людей – любимого мужа и лучшей подруги. Но именно эти люди начинают искать у нее слабые места...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Белка в колесе сансары	5
Больница	19
Работа	26
Совместная жизнь	32
Решение	46
Роми и ее отец	58
Моя семья	68
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юлия Краковская

Всё сложно

© Ю. Краковская, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

© П. Лосев, оформление, 2019

Белка в колесе сансары

Здравствуйте, меня зовут Юля, и я неудачница. В наше время ведь как? Нельзя ни в коем случае быть неудачником, жаловаться нельзя. То есть жаловаться можно, это называется «проживать свою боль», но только в случае, когда вы молодец и ни в чем не виноваты. Вот, например, вы суперчеловек, а еще лучше суперженщина, и сделали какую-то невиданную карьеру и все у вас прекрасно, а тут – бац! – и умер неожиданно муж. Бежал по дорожке в спортзале и вдруг умер. Тут – да, вы имеете право на боль, горе, отпуск и сочувствие. А если нет, то нет. Делайте, пожалуйста, вид, что у вас всегда все в порядке, вы красивая, у вас красивая дочка, на фоне чего-то тоже красивого, улыбаетесь и вам очень весело. Ставьте фотографии в фейсбук, а мы вам поставим лайк.

Если у вас уже довольно давно ни черта не получается, жизнь никак не наладится и не войдет в какое-то русло, если у вас не получается построить крепкую семью и сколотить приличную карьеру, то вас как бы и нет вовсе. Про вас даже стыдно и противно думать и говорить. Вы должны «собраться, тряпка», вы должны «думать позитивно и позитивное настанет само собой», и, вообще-то, вы просто обязаны делать вид, что у вас все хорошо. Очередной раз вышибли с работы – вы просто «переворачиваете страницу» или «ищете но-

вые возможности». Вот, спасибо, блин! Вы, может, как раз подружились с коллегами, узнали, где лучше обедать, разобрались с тем, что нужно делать и – оп, оказывается, плохо разобрались, недостаточно и, вообще, вы дерьмо, идите домой. А дома есть дочка, которая спрашивает: «Мама, почему тебя опять уволили? Ты что, не старалась?» А я старалась, честное слово. Очень даже старалась. К тому же всегда есть какой-нибудь мужчина, который вам нравится и с которым вроде строятся отношения, и надо же ему рассказать. А он сочувствует, говорит: «Ох, бедняжка, какие же они гады, мне всегда не нравился этот твой козел-начальник. Приезжай, я тебя утешу».

Нет, он не придет, конечно, он же работает. Утешение обычно заключается в том, что вы, как и всегда, займетесь сексом, но он еще и сделает вам предварительно «расслабляющий» массаж. И вот, знаете, так хреново, что вполне легко потащиться в поселок в Иерусалимских горах, чтобы пожалели и приласкали. Притащилась – и что? Прямо кожей чувствуешь, что это в последний – ну, может, в предпоследний – раз. Вот как будто пахнет этим... Не буду говорить о предательстве. Предатели и правда остались на войне. Становится понятно, что человек почуял, что ты порченный, гнилой товар, что у тебя не получается. Эдак ты еще к нему на шею сядешь с дочерью своей, не дай бог. А он на это не подписывался, он хотел успешную женщину из области высоких технологий, коей ты представилась на сайте знакомств, а тут

такая подстава. Подумаешь, хороший секс, интересные беседы, чувство юмора... прокаженная же. Вот они и бегут.

И это называется: снова стать свободной для новой любви и приключений. Вот так я и доковыляла до середины жизни. Да, я стройная сорок плюс женщина, которая думает, что выглядит на тридцать плюс, потому что так все говорят, а говорят все так просто потому, что так положено. Новая вежливость.

Живу я не в самом плохом месте Израиля, но, честно, дорого так, что еле тяну. Рядом приятные люди, у меня много друзей, и меня любят родители, ну исключая те дни, когда «опять уволили». В такие моменты они меня, скорее всего, тоже любят, но спешат утешить в духе: «Ничего, у нас тут в Ганей-Авиве люди и кассиршами в супермаркете работают и так тоже живут. Ну не всем же в высоких технологиях! Ну не дано тебе, так что?» Это мама так меня поддерживает обычно. Помогает не очень.

Я чувствую себя белкой, бегущей в колесе сансары. То есть ты бежишь, преодолевая препятствия, как в компьютерной игре, но в какой-то момент уровень становится не под силу, и ты умираешь, а потом снова встаешь и бежишь. Пока бежала, ты успела проглотить десятки, если не сотни, волшебных яблок/монеток/жизней/пособий по безработице и можешь снова бежать. Только двигаться хочется все меньше и все меньше веры в себя... Да какая уже вера в себя? Сейчас, наверное, нужно рассказать, почему я не свинчу с

этих долбанных высоких технологий. Я очень хочу, поверьте, и даже пыталась, но на зарплату в остальных сферах человеческой деятельности мне совсем не прожить – там платят что-то вроде средней квартплаты в стране. Да и не припомню я своих бешеных успехов или удовольствия от труда до того, как стала работать в высоких наших технологиях: все то же самое, но отношение к работникам хуже, зарплата – даже и не половина моей, но да, выгоняют реже.

У меня есть две подруги: Дафна и Нинель. На самом деле подружек у меня намного больше, но именно с этими я общаюсь ежедневно. У них тоже есть дочки и нет мужей. Мы друг для друга – скорая помощь: если вдруг что-то случится, то всегда есть человек, который будет рядом и, например, заберет ребенка из школы. Или которому можно просто позвонить и сказать: мне так плохо, приходи, пожалуйста.

Мы не дружим втроем: Дафна и Нинель не жалуют друг друга – ведь ничего общего, кроме меня, у них нет. Дафна – хипповатая, вся такая сложносочиненная репатриантка из Чили. Она никогда не красится, ходит в джинсах, любит широкие блузки а-ля шестидесятые и стремится к полной естественности во всем, что, понятное дело, сказывается на состоянии ее кожи.

А вот Нинель всегда с иголки одета в столь же экстравагантные, как ее имя, наряды. Она тщательно – а для Израиля, наверное, даже чересчур – красится и идеально укладывает в сложную прическу крашенные в платину волосы. Нинель иро-

ничная, сильная и веселая. Я же чувствую себя где-то между ними: минимум косметики, волосы не крашу, потому что у меня нет седины, уважаю ботокс и люблю принарядиться. Не дружили между собой и их дочери: своенравная, обаятельная и манипулятивная Сиван, дочь Дафны, и такая же, как мать, прекрасноокая красавица Лин – дочь Нинель. По вечерам мы курили с Нинель тоненькие сигареты или пили пиво на скамейке с Дафной, пока наши дочери качались на качелях. Двор у нас круглый, окруженный старыми желто-серыми страшноватыми домами, но вокруг детской площадки растут огромные древние акации, которые весной засыпают его то ярко-желтыми, то фиолетовыми цветами, как ковром. Еще там много кустов, усыпанных огромными экзотическими цветами, так что вся эта зелень как-то примиряет с уродством зданий. И с Дафной, и с Нинель мы обсуждали личную жизнь, в том числе мужиков из «Тиндера». Особенно весело было, когда нам попадался один и тот же... Мы начинали наперебой писать бедняге и наблюдали за его метаниями.

* * *

Вся эта история началась, когда я рассталась с симпатичным блондином по имени Амир, тем самым жителем поселка в Иерусалимских горах. Через несколько дней после того как меня в очередной раз уволили, он позвонил мне:

– Мне нужно тебе кое-что сказать...

– Я тебя слушаю, – ответила я, остановив машину возле небоскребов Азриели. Я ехала отмечаться на бирже труда.

– Знаешь, я тебя очень люблю и не хочу с тобой расстаться, но я никогда не стану с тобой жить.

– Ага... зашибись... и как ты это себе представляешь? Я буду все время таскаться к тебе, к черту на рога, вместе с дочкой, когда тебе этого захочется?

– Нет, ну не только ты.

– Конечно, ну и сколько раз ты приезжал ко мне на выходные?

– Ну я же приезжал.

– Вот спасибо. И весь этот выходной ты падал каждую минуту в обморок от того, что все какое-то недостаточно стерильное, ты двадцать раз спросил, не просроченные ли у меня дома яйца и йогурты! Ты трясся, чтобы вовремя вернуть своего ребенка его матери. Ты ни на минуту не расслабился и не дал мне отдохнуть. И ты задолбал кончать мне в рот, потому что боишься, что в сорок один год я забеременею даже с презервативом. Пока.

Так мы и расстались. Ишь ты: люблю пламенно, но никогда не стану с тобой жить. Прямо как в анекдоте:

– Гоги, ты помидор любишь?

– Кушать да, а так – нет.

С мужчинами я на это время решила завязать. В отличие от работы, они совершенно не необходимы. А про работу я тогда решила, что больше не хочу ни на кого работать, а бу-

ду сама себе хозяйка, хотя бы пока мне положено пособие по безработице. Это еще один этап в моем колесе сансары. Кажется, что избавление придет, если больше не зависеть от решений других людей. К тому моменту у меня накопилось немало волшебных яблок за три года доблестных сражений в израильских айтишных офисах, и я могла передохнуть на пособии. Я пыталась найти клиентов, чтобы работать самостоятельно, но, честно, получалось не очень.

Беспощадное израильское лето подходило к концу. То есть жара стояла такая же, как всегда, но некоторые ночи уже можно было пережить без кондиционера.

Я пыталась утешать себя надеждой на то, что что-то выгорит, как-то получится, что-нибудь изменится. Среди ночи просыпалась в панике и шла покурить у окна и выпить вина, чтобы как-то заснуть. Именно в это время к нам заехал муж моей французской подруги Карин – израильтянин Гай. Эта пара была моими давними друзьями по «Комверсу» – хайтек-корпорации, где мы работали в наши поздние двадцать. Мы были молоды, нам платили отличные зарплаты, посылали в командировки и селили в шикарных гостиницах. В любом модном клубе Тель-Авива можно было встретить сослуживца. На работу все ходили с радостью, потому что там мы встречались с друзьями, и все это было не только работой, но и веселой тусовкой, где было много романов, флирта, шуток и интриг, конечно. Мой и без того сдыхающий юношеский брак совсем умер, что не омрачало моей жизни, ведь

вокруг было столько молодых и красивых мужчин: русских, израильтян, европейцев.

Так вот, к нам заехал Гай. Они с Карин уже давно жили во Франции, в очаровательной деревушке под Парижем. Со своими тремя детьми они занимали большой старинный дом с огромным садом и потрясающим видом из окон... Мы с Роми дважды навещали их там. Их жизнь казалась мне неправдоподобно райской: в деревне было все то, что мы оставили в Киеве: лес, речка, природа, – плюс очарование старинного французского городка. Вылизанные древние каменные домики с черепичными крышами и улочки со старинными фигурными фонарями, маленькая булочная с красным навесом над нарядной витриной и старинная церковь. Я, конечно, чувствовала себя бедняжкой, случайно попавшей в дом, где вместо шкафов были комнаты для одежды и обуви.

Гай приобрел парижский лоск, и это очень здорово сочеталось с его высоким ростом, фигурой, зелеными глазами и бритой головой. Элегантный израильтянин – это, в сущности, мужчина мечты. У наших парней не отнять их спокойного и скромного мужества – они немало повидали и пережили в армии, – но их израильская диковатость и простота все же часто отталкивают. А вот усвоив европейские манеры, они производят по-настоящему сильное впечатление. И снова я чисто автоматически отметила все эти достоинства, но... Отношения с мужем подруги были для меня абсолютным табу: даже думать о нем как о мужчине казалось мне

отвратительным предательством.

Мы обсудили мой проект и очередную израильско-палестинскую войну, выпили вина, и он ушел. Я успела взгрустнуть о том, что вот такие красивые и надежные мужчины никогда не доставались мне. Когда-то в юности у меня был такой муж, но, увы, все закончилось, и я не смогла ничего с этим сделать. Сколько ни ходила к психологам, сколько ни пыталась убедить себя в том, что он мне самый родной и я не найду лучше, все бесполезно. Мне хотелось секса, страстей и иллюзий, но с кем угодно, только не с ним. Наутро я лежала в кровати и перебирала в «Тиндере» мужчин. Пальцем налево – нравится, направо – не нравится, а возможно, и наоборот. Если два человека заинтересовали друг друга, им приходит сообщение о том, что теперь они могут общаться. В какой-то момент мне попался репатриант из Франции, который сразу же написал. Я окончила факультет французского языка и литературы и никогда не упускала возможности поговорить по-французски. Поэтому я всегда охотно отвечала французам, которых немало появилось в Израиле в последние годы.

По-английски этот француз писать совсем не мог, и я предложила перейти на французский. За окном лил один из первых дождей, лето заканчивалось, и меня, как и всех одиноких израильтян, охватило сезонное желание найти себе пару. Зима, точнее период дождей, в одиночестве переносится как-то хуже. Шум дождя создает в израильских квар-

тирах особенный уют и вызывает смутную ностальгию по Европе. Зазвонил телефон, и в трубке зазвучал приятный мужской голос. Сразу возникло ощущение кого-то своего, кого-то теплого. Мы очень быстро договорились о встрече, человек был готов приехать из Хайфы, что меня немало удивило. Он заявил, что для парижан два часа езды – не расстояние. Я подумала, что это знак серьезности намерений.

Мы встретились в центре Сарона, это такое симпатичное популярное пространство в Тель-Авиве – там множество ресторанчиков, кафе и модных магазинов. Мой кавалер был весьма смазлив, но не той смазливостью, какая мне нравится. Не очень высокий смуглый брюнет около сорока а-ля Джордж Клуни, он был довольно странно одет: в джинсы и белую рубашку с длинными рукавами. На спине у него был рюкзак.

Уже за кофе он рассказал, что его отец занимался темными делишками, но не воспитывал его, а вырастил его отчим-полицейский, очень жестокий и агрессивный. Вот почему в этот момент я не сказала: «Спасибо, до свидания», я до сих пор не знаю. То есть про себя я именно это и сказала и просто намеревалась вежливо попрощаться. Но уже по дороге из ресторана мы присели покурить на лужайке. В кустах мяукал котенок, которого мне было жаль, я попыталась его найти, и Жоффруа, так заковыристо звали француза, пытался мне помочь. Его участие вместо обычных в таких случаях насмешек, наверное, расположило меня к нему, и я зачем-то

поцеловала его. С этого все началось.

Потом он много раз звонил, но я не особенно спешила встречаться. Но в какой-то момент меня потянуло на приключения, и я все же нашла для него время.

Свидание было приятным. Жоффруа рассказал, что занимается какими-то продажами в интернете, а я как раз нашла клиентов на несколько недель работы. В следующий раз мы допоздна гуляли по тель-авивским пляжам, и я смертельно устала говорить по-французски. Жоффруа жил в Израиле уже почти год, но не знал ни иврита, ни английского. Чтобы меньше разговаривать, мы целовались в моей машине. Это было мило, но я сказала, что не готова пригласить его к себе домой. Он не обиделся:

– Я пропустил поезд в Хайфу, но не беда, что-нибудь придумаю.

Уже в кровати я получила от него эсэмэску, что он нормально доехал. Мне стало совестно оттого, что мне даже в голову не пришло поинтересоваться, как он добрался до Хайфы. Впрочем, после расставания с Амиром мужчины почти не вызывали у меня сочувствия...

Дальше жизнь шла своим чередом, и мы встретились снова. Роми гостила у своего отца, так что можно было перейти к более серьезным действиям.

Мы гуляли по вечернему осеннему Тель-Авиву. На бульваре Ротшильда, как всегда, тусовались нарядные и веселые люди, расслабленные и веселые, молодые и не очень. Они

наводнили бары и рестораны. Вечера в Израиле очень темные, и темнота наступает мгновенно и довольно рано, так что большую часть своего свободного времени летом и зимой мы проводим в темноте. В темноте гуляем с детьми, в темноте занимаемся спортом, выгуливаем собак и ходим друг к другу в гости.

Итак, бульвар Ротшильда, центр Тель-Авива, вечер пятницы, отовсюду звучит музыка, уже нежарко, я сижу на террасе довольно известного бара, рядом со мной красивый мужчина, который смотрит на меня с обожанием и восхищением, мы пьем вино, и жизнь кажется не такой уж плохой.

Мы много разговаривали и, наконец, отправились ко мне. Жоффруа рассказывал о своей хулиганской юности, о жестокотом отчине, о братьях и матери, о дрянном районе, в котором он вырос, о жизни во Франции. О том, как работал в юности санитаром в психиатрической больнице, о смешном случае, когда он принял новую докторшу за пациентку, и о страшном, когда один из пациентов выбросился из окна у него на глазах.

Я все внимательнее смотрела на его идеальный профиль, четко очерченные губы и необычный разрез глаз. Часа в три ночи, когда наши глаза стали потихоньку слипаться, я дала ему понять, что можно перейти к чему-то большему. Первый секс всегда предполагает смущение, напряженность и попытки все это преодолеть. Все происходит естественнее, если вы уже знакомы и между вами есть та самая искра. В случае же

со знакомствами в интернете, когда все идет по заранее известной программе, смущение и скованность неизбежны.

Мы стали целоваться и обниматься и, в конце концов, перешли к главному. И это оказалось совершенно ужасно! Мало того, что у него оказался маленький член – ну то есть не совсем микроскопический, но такой... на грани нижней нормы. Но дело не только в члене: это был однозначно плохой секс, когда люди совсем не чувствуют друг друга. Его прикосновения были слишком жесткими, да и вообще все шло не так. Вместо фрикций я чувствовала только толчки, хотелось попросить: не толкайся, пожалуйста. Но я, конечно, не подала вида. И вообще, первый секс комом, это всем известно. Утром он был так мил, так влюбленно смотрел на меня, не был навязчив, зато – уверен в своей привлекательности и деликатен. Я спросила:

– А какие у тебя сейчас планы?

– Любить тебя, растить вместе детей, – ответил он, обнимая меня. – Но сейчас я хотел бы погулять по Тель-Авиву.

Распроставшись с ним, я позвонила Нинель:

– Привет, это катастрофа!

– Что случилось?

– У француза сантиметров восемь!

– Что, прямо карандаш, как я рассказывала на прошлой неделе? Размером с палец?

– Ну нет, но все равно маловато.

– Тут ничего не поделаешь. Он точно не вырастет.

– Так, может, он не полностью стоял?

– Он кончил, ведь так?

– Это да... вот же засада! А он мне так понравился.

– Вообще-то люди и с этим живут, существует же масса способов... Попробуй еще разок, может, будет лучше.

Больница

Осенние праздники мы с Нинель и дочками провели в пустыне. Отдыхали с друзьями в бедуинских шатрах. Дорога туда потрясающе красива. Она идет через Иерусалим, мимо жуткой серой стены, которая разделяет нас и Палестинскую автономию. После выезда из Иерусалима начинается волшебная сказка Аладдина – гладкая дорога, ярко-синее небо и желтые песчаные холмы по сторонам дороги. Затем холмы сменяются розоватыми скалами и розово-голубым маревом Мертвого моря.

Наш лагерь с бедуинскими шатрами находится на вершине горы. Оттуда открывается марсианский вид на розовые скалы и плоское Мертвое море, похожее на непрозрачное стекло или теплый лед. Когда опускается ночь, на другом берегу видны размытые огни Иордании, а на небе зажигаются огромные яркие звезды. Дует сухой теплый ветер. Там мы обычно катаемся на верблюдах, жарим шашлыки, курим косяки, гуляем по окрестностям. У нас большая компания, много детей, и всем очень весело. Но в этот раз я почему-то совсем не могла спать от боли в животе. У меня иногда случаются спазмы желудка, когда живот просто жутко болит. Обычно я закидываюсь спазмалгоном и все проходит. Однако сейчас таблетки не помогали. Боли прошли только дома.

Настала зима, пошли дожди. У нас зима наступает стре-

нительно – буквально за один день. Еще вчера все ездили на пляж, хотя в воздухе уже пахло прохладой, а завтра наступает зима. Когда дожди уже лили вовсю, у меня вдруг снова стал болеть живот – не очень сильно, но постоянно. Поднялась температура, и спать я могла только свернувшись калачиком. Боль была какая-то тупая, она то уходила, то возвращалась. Я была уверена, что это снова спазм, и решила, что ни за что не пойду в больницу. Так прошло еще два дня. Поздно вечером Нинель уговорила меня отвести Роми к Дафне и отвезла меня в центр скорой помощи. Врач посоветовал немедленно отправиться в больницу, но я очень хотела спать и поехала домой.

Наутро позвонил Жоффруа – к тому времени он уже звонил каждый день и вообще очень мило за мной ухаживал – так же как и все вокруг, он беспокоился и уговаривал поехать в больницу. Я отнекивалась, но боль не проходила, и на следующий день я сдалась: попросила отца Роми забрать ее к себе и поехала в больницу.

Согнувшись в три погибели, я доплелась до приемного покоя, кое-как записалась в регистратуре и села на больничный стульчик умирать. Приехали родители, стало немного веселее. Мне дали выпить ведро какой-то мерзкой розовой воды с химическим сладковатым вкусом. Вот где кошмар! Я всякие леденцы и, как говорит моя дочь, «алхимические» конфеты и напитки на дух не переношу, а тут пришлось выпить целое ведро, а и без того плохо. Наконец меня позвал хирург,

какой-то невероятный красавец, говоривший с неизвестным мне акцентом. Я все пыталась его убедить, что это просто спазм. Потом меня отправили на рентген и там обнаружили абсцесс в кишечнике. В общем, из больницы меня не отпустили. В этот момент мои родители почему-то ушли, а я осталась дальше подышать на стуле в коридоре.

Неудобство состоит в том, что приходится сидеть не там, где удобно, а там, где можно заряжать телефон. А там, где есть розетка, орет телевизор и жутко дует. В целом атмосфера в приемном покое (тоже мне покой!) была как в старом маленьком израильском аэропорту – все напряжены, торопятся, громко и деловито разговаривают, горит яркий свет – вот только совсем не весело. Мне поставили капельницу с антибиотиками: это очень странное ощущение – по венам поднимается что-то теплое, и во рту появляется мерзкий металлический вкус. Меня жутко тошнило, и мне выдали тазик, в который надо было блевать. А потом от этой чертовой розовой воды еще и начался понос. Ходить с капельницей в руке каждые пять минут в туалет и еще по дороге блевать в тазик – так себе кайф. К тому же все мои соседи по приемному покою были с семьями и только я была совсем одна. Мне сделали МРТ и сообщили, что у меня какая-то редкая болезнь, которая бывает или у глубоких старцев, или у очень толстых людей, ведущих малоподвижный образ жизни. Ну спасибо.

Снова позвонил Жоффруа, пытался как-то меня развесе-

лить и поддержать, сказал, что обязательно придет меня навестить. Дафна и Нинель тоже все время были на связи. Ночью ко мне пришла сестра (у меня есть старшая сестра) и помогла переселиться в палату. Палата оказалась чистой, но жутко некрасивой и депрессивной. Так, наверное, и должно быть. Попал в больницу, нечему радоваться. Мне снова воткнули в руку капельницу, с которой пришлось спать. Пробуждение в больнице происходит не по будильнику или само собой – просто в какое-то запредельно раннее время к вам подходят, чтобы чего-то там измерить, добавить в капельницу жуткого лекарства, от которого во рту появляется металлический вкус. Целый день дверь в палату остается открытой: ощущение, что живешь на каком-то заводе, ты словно пытаешься спать или зависать в интернете на работе у бодрых, сосредоточенных, вежливых и профессионально доброжелательных людей. Там были совсем молодые арабы-санитары и начинающие врачи, которые так явно любили свое дело и были так добры, что вызывали у меня почтение и зависть. С ними было просто и весело, как с давними приятелями. Вообще в Израиле всегда так – по-дружески, с иронией и в принципе легко.

Я не ела уже четыре дня. Это странно – так долго не есть. Я даже не чувствовала голода, потому что мне ставили капельницу с питательным раствором, но мозг все время показывал мне еду. Я ждала очередного врача, и покрытый буро-красной плиткой пол в приемной казался мне покрытым

говяжьим фаршем.

Вечером ко мне приехали родители с дочкой. Роми была бледной и перепуганной. Ее длиннющие светлые кудри были тщательно расчесаны и заплетены в тугую косу. Я никогда так не делаю, это явно была работа жены ее отца. У меня мелькнула мысль, что, если я умру (не от этого, конечно, а вообще), она будет вот такой прилизанной, аккуратной, перепуганной и непохожей на себя. От ее характера, безудержного во всем – радости, доброте, нахальстве, ярости – не останется и следа. Она будет послушной, тихой и перестанет быть собой. Нет, надо жить.

Потом пришел Жоффруа. В проливной дождь он ехал на поездах и автобусах, не говоря ни на иврите, ни на английском, но все же нашел меня. Я ему очень обрадовалась. Мне хотелось, чтобы меня навестил мужчина-ровесник, а не только старенькие родители и дочка. Я познакомила Жоффруа с родителями и с Роми. Родители изумленно слушали, как я говорю с ним по-французски. Почему-то они всегда были уверены, что я не могу говорить на иностранных языках лучше трехлетнего ребенка. А в принципе они были тронуты приездом Жоффруа и даже проводили его на вокзал.

В больнице было очень тоскливо, совсем не так, как в кино, где люди лежат в идеальных светлых палатах и в вазе стоит букет. Ничего подобного: унылые серые комнаты с горчичного цвета занавесками, разделяющими койки. Казалось бы, можно отдыхать, читать, сидеть в фейсбуке. Но мысли

там приходят нерадостные. Дожидаясь результатов очередных анализов, я подумала: а вдруг окажется, что у меня рак? Я представила, что меня позовут в кабинет и, сделав скорбное лицо, как кадровичка во время увольнения, доктор заявит мне:

– Очень жаль, но придется исключить тебя из мира живых. Я очень сожалею.

И все останутся себе жить, как мои коллеги, которые остаются работать вместе, попрощавшись со мной.

Наконец меня выписали. Вот честно, никогда бы не подумала, что это так радостно – как будто из тюрьмы вышла. Все вокруг казалось мне красивым и светлым. Из машины я смотрела на безумное зимнее израильское небо, ярко-синее, причудливо разукрашенное белыми облаками. Дома я почувствовала себя намного лучше. К тому же я ощущала себя совсем легкой: весы порадовали, показав цифру «48». В молодости я ее ненавидела, а теперь она мне очень даже нравилась. Однако радость продолжалась ровно до того момента, как нужно было принимать антибиотики. Их полагалось глотать штук десять в день. Обычно я не в силах пропить даже курс антибиотиков от какого-нибудь дурацкого цистита, так меня от них тошнит. А тут десять таблеток, причем убойных. Так и потекли мои дни: просыпаешься неплохо, а после первой партии таблеток – все. Во рту мерзкий вкус, все воняет, особенно люди, и сил совсем нет. В один из этих дней я брела домой и осознала, что почти не могу идти, что чув-

ствую себя одинокой, больной и слабой – а ведь я всего лишь пытаюсь жить и растить дочь, ничего более. Я еле поднялась на четвертый этаж, села на диван и заплакала. Плакать я на самом деле совсем не умею – чем мне хуже, тем труднее заплакать. Эта беда явно была не такой уж большой, раз мне все же удалось заплакать. И как только я по-настоящему разревелась, в дверь постучал Жоффруа. Он обнял меня, и мне стало легче. Жоффруа спросил, ела ли я, я ответила, что уже давно не могу есть и вообще плохо себя чувствую.

– А давай я приготовлю тебе гратен! – предложил он.

– Давай, – вяло согласилась я.

Я сидела на кухне и смотрела, как он ловко орудует ножом, мы болтали о чем-то веселом, настроение улучшалось с каждой минутой. Аппетит тоже проснулся, и, когда гратен был готов, я умяла целую тарелку.

Работа

Так, можно сказать, начался наш роман. Мне становилось легче в его присутствии, он для меня готовил и ничего не ждал взамен, даже секса, которым после болезни заниматься не очень-то и хотелось. Потихоньку мое здоровье поправлялось, Жоффруа приезжал, и мы замечательно бездельничали вместе, я сдала свой проект, получила деньги, а новых клиентов у меня не было. Я все время думала, что не может быть, чтобы за такой спокойный период безделья мне от жизни не прилетело наказания.

Но вскоре пособие по безработице должно было закончиться, и надо было с прискорбием приниматься за поиски работы в области ненавистного тестирования программного обеспечения.

Я снова стала таскаться по интервью. И начался привычный вынос мозга: а как вы будете тестировать нашу хреновенькую? а расскажите про какой-нибудь баг, который вы нашли, и что же вы с ним сделали? а напишите нам тест-план, пожалуйста. Создавалось даже впечатление, что таким образом некоторые хозяева стартапов за две копейки собирают себе дармовые тест-планы и узнают, как надо тестировать их приложения. В юности мне предложили поработать бесплатно «пробный» день официанткой. А потом оказалось, что это такой способ разводиться совсем молодых ребят на «пробный»

день, просто чтобы не платить официантам.

В конце концов я нашла работу в симпатичном стартапе, куда меня уже давно зазывал коллега по бывшей работе. Гена представлял собой типичного русскоязычного израильского айтишника. Мой ровесник, он обладал весьма отталкивающей внешностью. Однако крючковатый нос, скошенный подбородок, кривые желтые зубы и маленькие рыбки глазки совсем не мешали ему быть весьма уверенным в себе. Более того, он считал себя завидным женихом.

Гена сразу начал звать меня на обеды в ресторан и вообще пытался дружить. Через несколько недель он поинтересовался:

– А у тебя есть друг? Ты с кем-то встречаешься?

– Ага.

– Я так понял, он новоприбывший?

– Да.

– Так у тебя с ним серьезно?

– Ну да.

– Нафиг он тебе нужен? У него же денег нет, пошли его к черту.

– Зачем? Я же его люблю.

С тех пор Гена стал все чаще и чаще выражать недовольство мной. Однажды после ежедневной летучки он отозвал меня в сторону:

– Юля, так больше продолжаться не может!

– Что ты имеешь в виду?

– Ты опоздала на целую минуту! И это уже не первый раз!

– На минуту? – уточнила я.

– Да-а, – сказал он. Лицо у него при этом было садистское.

– Представь себе, сколько человек тебя ждут целую минуту, если умножить эту минуту на человеко-часы, получится очень много времени.

Мне стало тошно.

– Хорошо, я тебя поняла, – сказала я, спокойно глядя ему в глаза. Мне искренне хотелось, чтобы он увидел, что я все про него поняла и никаких чувств, кроме презрения, он у меня не вызывает.

А вот дальше началось настоящее издевательство, или, как это сейчас называется, «джобинг». Бесконечные придирки по любому, даже самому пустячному поводу, унижительные высказывания в мой адрес на всех совещаниях. Надо сказать, что с самого советского детства я не переношу унижения. Когда-то очень похожий на Гену учитель истории перед всем классом, брызгая слюной и покрываясь красными пятнами, говорил мне:

– Я, Краковская, если захочу, могу тебя выпороть прямо здесь перед всем классом вот этой вот указкой!

Я ничего не понимала, но мне было так мерзко и стыдно, что хотелось умереть. Сейчас я понимаю, что это было сексуальное домогательство, он озвучивал свои сексуальные фантазии вслух перед сорока детьми. Еще он любил открыть дверь головой какого-нибудь мальчика, и я была единствен-

ной, кто ему говорил, что он не имеет права так себя вести.

Когда взорвался Чернобыль, все киевские дети были отправлены подальше от города. Юрий Ильич – так его звали – вызвался поехать с нами, ему ведь тоже нужно было вывезти семью из Киева. Наш лагерь был на берегу Черного моря, стало быть, родители далеко. Вот где этот псих оттянулся. Я думаю, он не пытался меня изнасиловать, понимая, что у меня нормальные отношения с родителями, я им все расскажу и он сядет в тюрьму. Будь я более забитым и запуганным ребенком, он наверняка так бы и сделал. В один прекрасный день он построил весь наш класс, начал за что-то на меня кричать, а потом рявкнул:

– Выйди из строя, когда я с тобой разговариваю, свинья!

– Никуда я не пойду, сами вы свинья.

Тогда он накинулся на меня с кулаками. Я, правда, отбивалась изо всех сил: расцарапала ему лицо, порвала рубашку, а он расстегнул мне кофту, но тут все же подбежали тетеньки-учительницы и запричитали:

– Юрий Ильич, Юрий Ильич!

И мне:

– Посмотри, что ты сделала! Ты же расцарапала ему лицо и руки! И рубашку порвала.

Видимо, по их мнению, я должна была позволить себя избить, чтобы он наконец осуществил свои фантазии. Мне было тогда тринадцать лет, весь класс стоял и смотрел на это. Мои родители написали ему письмо с просьбой «освободить

меня от своего пристального внимания» – они очень гордились, что смогли так остроумно и дипломатично выразиться. Но он помахал у меня этим письмом перед носом и порвал его. Он обожал что-нибудь рвать. В первый же день лагерной жизни он разорвал на мелкие клочки все мои конверты для писем.

Когда мы вернулись в Киев, Юрий Ильич не придумал ничего лучше, как сообщить остальным учителям, что в пионерлагере я занималась проституцией. Я даже сейчас не могу понять, зачем ему это было нужно, но сделал он это все-таки зря, потому что классная руководительница пожелала обсудить это с ним и с моей мамой. Мама, услышав такое, закрыла в кабинете дверь и сказала следующее:

– Значит так, скажите спасибо, что вы оба евреи и я не пойду сейчас на вас жаловаться в РАЙОНО, ГОРОНО и выше. И учтите оба, если у моей дочери будет плохая отметка по вашим предметам или вы, товарищ Рейзин, не оставите ее в покое, вы вылетите из школы и из системы образования, это я вам обещаю!

После этого он действительно отстал от меня, хотя до этого разговора изводил целых три года. Не знаю, чем еврейство освобождает от ответственности за сексуальные домогательства к тринадцатилетней девочке, но думаю, что моя мама все же молодец.

Так как приставать ко мне он больше не мог, то переключился на другую девочку в другом классе, родителей которой

меньше интересовало, еврей он или нет, и его все же выгнали из школы. Через много лет, уже в Тель-Авиве, я узнала, что он уехал в Израиль и продавал тут липовые квартиры, украл много денег и смылся в Штаты, ну а там в сорок лет заболел раком и сдох. Как говорится, если долго сидеть у реки...

В общем, похожую реакцию – а именно красную пелену перед глазами – вызывало у меня общение с Геной. Я пыталась поговорить по-хорошему, наладить отношения, дать ему понять, что безмерно его уважаю и ценю, но прошу как-то изменить манеру поведения. Бесполезно. Ежедневно и старательно Гена всеми способами демонстрировал свое отвратительное отношение ко мне. На самом деле нужно было послать его ко всем чертям и спокойно пойти домой, но у меня кончилось пособие по безработице, а никаких других доходов не было и пока не предвиделось.

Совместная жизнь

Как раз в это время мы с Жоффруа решили жить вместе. Он уже познакомился с моей дочкой, и, несмотря на языковой барьер, они очень подружились. Я познакомила его со своими родителями, и он им понравился. Правда, папу беспокоило, что, представившись профессиональным электриком, Жоффруа в этом почти ничего не понимал. По крайней мере так показалось папе, когда они вместе рассматривали какие-то электрические схемы.

Я не могу сказать, что предложила Жоффруа съехаться с совершенно спокойным сердцем. Скорее, у меня было чувство, что как-то нет выбора. Фирма, в которой он работал, перестала существовать, и у него не было денег. Он начал работать в Герцлии на бинарных опционах – популярный вид заработка для многих новоприбывших в Израиле. Надо было разводить своих бывших соотечественников по телефону – уговаривать их играть на бирже, притом что алгоритмы построены так, чтобы купивший акции потерял деньги.

Жоффруа очень обрадовался моему предложению жить вместе, и, действительно, нам было хорошо. Он отлично ладил с Роми, ждал меня домой, забирал ее из школы, они вместе готовили ужин или пекли пирог. С Жоффруа было удивительно легко, и он очень поддерживал меня, когда я рассказывала ему про очередную выходку Гены. Так что дома у

меня была вполне себе идиллия, если не принимать во внимание тот факт, что у Жоффруа постоянно то отключали мобильный, и надо было дозваниваться мобильному оператору, то блокировали кредитку, и приходилось разбираться с банком, а то и просто везде за него платить.

Помню, в один из выходных, когда Роми отправилась к своему отцу, мы поехали гулять по Эйн-Карем. Это очень живописный район под Иерусалимом – старинные частные дома, утопающие в цветах, красивая церковь и множество ресторанчиков. Там мы гуляли, фотографировались и фотографировали все вокруг, любовались цветением миндаля. Устав, мы решили пообедать в весьма недешевом ресторане. Когда принесли счет, оказалось, что кредитка Жоффруа все еще заблокирована. Мне стало как-то противно, как будто я проглотила лягушку, и весь романтический день покатился к чертям. Это, естественно, отразилось на моем лице. Жоффруа забеспокоился:

– Тебе как-то не по себе? Ты что, плохо себя чувствуешь?

Можно подумать, есть на свете женщина, которая чувствует себя в такой ситуации хорошо.

– Да, мне это не очень приятно.

– Я скоро получу свою кредитку, не волнуйся. Я понимаю, прости, пожалуйста.

– Ладно, проехали.

Мы очень весело отпраздновали Новый год. К нам пришли мои друзья и их дети. Гуляли всю ночь. Наутро в нашей

квартире было именно так, как должно быть после новогодней вечеринки: конфетти на полу, гора пустых бутылок, разоренный стол с остатками оливье.

И тут мне пришло сообщение от Карин. Она рассказывала, что у нее появился любовник и Гай ее застукал. Был скандал, они пытались помириться, но в результате разошлись. Я была обескуражена. Я-то представляла, как мы приедем к ним, в их большой старинный дом, а тут – и дома больше нет, и семьи нет.

– И как ты? Где ты сейчас?

– Я отлично! У матери в Марселе. Видимо, период Гая в моей жизни закончен. Дети остались с ним в Буасси.

– А как же ты будешь видеться с ними?

– Ну пока мне хорошо.

Вот уж никогда не думала, что такое произойдет. Даже когда в нашу последнюю встречу Карин сказала, что им очень скучно вдвоем и она ни за что не хотела бы поехать куда-то только с ним, потому что им давно не о чем разговаривать. Но потом в один из вечеров, когда мы уложили детей и собрались у камина, чтобы попить вина и покурить травы, я спросила, как у них дела. Гай сказал:

– Если бы мой младший сын Адам просыпался на час позже, я бы мог сказать, что моя жизнь идеальна.

С тех пор прошло три года, и многое, наверное, изменилось. Карин и Гай не были идеальной парой. С самого начала они очень часто и довольно жестко ссорились. В зависимо-

сти от того, в какой стране они жили, тот, кто был на чужбине, хватал чемодан и начинал собираться на родину. Я помню, как часто Карин плакала, когда мы выходили покурить в «Комверсе». Я пыталась объяснить ей поведение Гая:

– А из-за чего вы поссорились?

– Потому что я назвала израильтян оккупантами, а Гай на меня разозлился.

– Но ты же знаешь, что он восемь лет был профессиональным военным, его такие заявления наверняка злят.

– Но я не хочу, чтобы мой ребенок рос с сознанием того, что у него есть враги.

Потом они переехали во Францию и продолжили довольно жестко ссориться там – находились, видимо, другие темы. Возможно, они не так уж часто конфликтовали, а просто Карин звонила мне только после их ссор. Как бы то ни было, я совсем не ожидала такого поворота событий. В период моего последнего визита они, кажется, успокоились, но, видимо, без ругани им стало совсем скучно – страсти утихли, а друзьями они не стали.

Я рассказала Карин, что живу с французом, она спросила, не хотим ли мы переехать во Францию. Я ответила, что пока такого плана нет, но эта идея как-то запала мне в голову. Наша жизнь шла своим чередом. У Жоффруа не было ни копейки: жулики, на которых он работал в Герцлии, ничего ему не заплатили. К тому времени мы были вместе четыре месяца и уже два жили вместе. Я довольно быстро поняла,

что занимаюсь только тем, что решаю его бесконечные проблемы: говорю с хозяином квартиры, в которой он жил раньше и остался должен денег, ругаюсь с этими его жуликами, записываю его в улыпан.

* * *

Особенно мне запомнилось, как мы ходили на свадьбу к Лорке.

С Лоркой мы дружим давно, но у нас сложные отношения – периодически мы ссоримся. Причем ссоры эти затевает она, и всегда в социальных сетях. Это довольно странный способ поссориться, недоступный нашим родителям, например. Происходит это так: я записываю в фейсбуке какую-то свою мысль, а Лора с ней несогласна. И это свое несогласие она, девушка очень красноречивая и остроумная, высказывает в весьма резкой и обидной форме. В последний раз я серьезно обиделась и разругалась с ней прямо в фейсбуке. Но когда я узнала, что она беременна и выходит замуж, все же позвонила ее поздравить. Лорка растрогалась и пригласила меня на свадьбу.

А свадьба у нас в Израиле дело весьма затратное, причем не только для жениха и невесты, но и для гостей. Не знаю, как в других странах, а у нас гость должен преподнести денежный подарок, эквивалентный как минимум стоимости своей порции. От близкого друга или родственника ждут и побольше.

ше. Таким образом, молодожены не внакладе, а иногда и в выигрыше. Существуют даже сайты, где вам помогут понять, сколько денег нужно нести в зависимости от вашей близости жениху или невесте в соответствии с нынешней ценой ужина. Стоит это, прямо скажем, очень и очень недешево. Зачем мы все это делаем, я не знаю. Считается, что ты был на свадьбе у меня, принес денег, а я принесу тебе, но обогатится ведь только хозяин зала или ресторана.

Мне очень не хотелось идти на эту свадьбу одной, и я решила пойти с Жоффруа и с Роми. Даже оплатить по минимуму три порции было нереально тяжело. А ведь еще на свадьбу нужно что-то надеть. У меня было шерстяное синее платье, которое Жоффруа подарил мне на Рождество, у него был синий же трикотажный блейзер, подаренный мной на то же Рождество. Это далеко не те вещи, которые надевают на свадьбу, но других-то не было. Остальные гости были прекрасно одеты – редкое для русской диаспоры явление. Мне, если честно, было жутко стыдно за наш затрапезный вид. Чувствовалось, что люди к сорока годам наконец могут позволить себе выглядеть так, как они хотят. А я, всегда одевавшаяся стильно и по последней моде, выгляжу как замарашка. Должна признать, что с тех пор, как у меня появилась Роми, мне редко случается одеваться так, как я люблю. А для меня это очень болезненно, прямо как отказаться от части себя.

Под конец праздника Лорка разыскала меня среди гостей и сказала:

– Стой, у меня есть к тебе дело!

Не успела я опомниться и понять, чего она хочет, как она бросила букет невесты прямо мне в руки. Впрочем, никому, кроме меня, он и не был нужен. Все Лоркины подруги давно замужем, а остальным девушкам было не больше десяти лет. Жоффруа уже предлагал мне руку и сердце, но тогда мы были знакомы всего два месяца, и это показалось мне просто глупой шуткой.

Вскоре Гена окончательно достал меня – и на моем лице ясно читалось, что еще одна выходка и я пошлю его вместе с его работой ко всем чертям. Однако он не переставал придирается ко мне десять тысяч раз в день по каким-то совершенно ничтожным поводам, да и без них тоже. Как все садисты, он быстро почувствовал, что больше ему не перепадет удовольствия от издевательств надо мной, и решил нанести удар первым. Он позвал меня к себе в кабинет и сообщил, что я уволена. Я сказала: «Без проблем», – и ушла. По дороге домой я позвонила Жоффруа и сообщила новость.

– Ну ничего страшного, все будет в порядке, ты найдешь что-то другое. Все наладится. Ты все равно только мучилась там.

– И ты меня не бросишь?

– Что ты? Нет, конечно! Будем жить, как жили, я найду что-то не очень денежное, но стабильное, а ты будешь зарабатывать побольше, но не регулярно.

– Хорошо, может быть, это и неплохой план.

И снова начались поиски работы, беготня по собеседованиям. Жоффруа я четко объяснила, что он должен немедленно найти работу. Я помнила его рассказы о том, что он никогда нигде толком не работал, а деньги добывал, приторговывая по мелочи травой. Поэтому я предупредила, что содержать его не собираюсь и могу подождать максимум месяц. Он клялся, что будет работать, горы свернет, но обязательно найдет работу. Вообще же, он был очень добрый, совершенно безотказный, ласковый и веселый. Он очень помогал мне с дочкой, забирал ее из школы, водил в кружки, играл с ней, всячески ее веселил. Очень любил для нас готовить. По вечерам мы смотрели французские фильмы, большинство из которых он никогда не видел, а я уже давно смотрела. Дома у нас было красиво и хорошо. Нам втроем было легко, весело и уютно, несмотря на то, что Роми и Жоффруа почти не понимали друг друга, и мне приходилось постоянно переводить.

В конце концов жизнь наша как-то установилась: я нашла очередной тестинг, где меня даже величали начальником тестеров и мне нужно было набрать коллектив. Всего за какие-то считанные недели я вдруг оказалась по другую сторону стола, и уже другие люди сидели на собеседованиях, заискивающе глядя мне в глаза. Кто-то бекал-мекал, а некоторые были с гонором. К собственному удивлению, я оказалась хорошим рекрутером. Я сразу видела, кто ничего не знает и просто захотел влезть в нашу отрасль от отчаяния, кто не впишется в коллектив. Зарплату мы предлагали небольшую

и пытались найти молодых тестеров. Но приходили и совсем немолодые люди, недавно переучившиеся из механиков или служащих. Наслушавшись легенд о сладкой жизни IT-индустрии, они пошли на курсы, заплатили, наверное, последние деньги и пытаются втиснуться в эту сферу. Я им очень сочувствовала, честно, но как начальник хотела подчиненных, которые будут нормально знать свое дело и мне не придется работать вместо них. Да и все эти бывшие механики не отличались умом и интеллигентностью. Наконец, пришел идеальный работник. Немолодой мужчина, немного заика, стеснительный, проработавший много лет в серьезных корпорациях, согласился на небольшие деньги, потому что знал, как трудно найти работу в пятьдесят лет. Он оказался очень хорошим специалистом и до сих пор успешно работает в этой фирме.

Мои родители помогли Жоффруа устроиться на небольшой заводик, где мама работала инженером уже много лет. Да, муж рабочий – это последнее, что я могла себе представить. Но ведь главное – не быть снобом. Ведь в целом Жоффруа был довольно славным, хотя было ясно, что в реальной взрослой жизни он ничего не понимает. Он любил фантазировать о своем великом будущем, о том, как великолепно мы заживем, и каждый раз придумывал себе новую мечту. Например, как он и его брат Ришар снимут комический стендап-сериал, причем я видела пару диалогов, которые он написал. Не смешно было ни секунды, хотя в повседневной

жизни он был довольно остроумным. Сначала его прожекты меня раздражали, а потом я просто перестала обращать на это внимание так же, как на размер его члена. К чему он был по-настоящему талантлив, так это к фотографии, и этот талант он неустанно развивал. Если бы он еще и выставлялся, то, скорее всего, достиг бы успеха.

На заводе Жоффруа не были довольны, но не выгоняли, видимо, из уважения к моей маме. Меня мое начальство тоже не обожало, но и не выгоняли. Мы жили довольно весело, переехали в красивую новую квартиру, Роми и Жоффруа вместе красили стены и делали ремонт. К нам приехала дочь Жоффруа Эва. Во Франции у него были две дочки от разных женщин. Эва была флегматичной двенадцатилетней девочкой, весом с небольшого слоника. В день ее приезда мы с Роми нашли маленькую трехцветную кошечку, у которой один глаз был чудовищно раздут и явно был слепым. Врачи диагностировали глаукому и сказали, что глаз нужно будет удалить. Такие вещи нужно делать быстро. Пристроить одноглазого котенка труднее, чем двухглазого, но возможно. Но пока операция будет сделана и пока все заживет, котенок подрастет и тогда уже будет намного сложнее найти ему хозяев. Когда мы несли котенка на операцию, он стал жалобно мяукать.

– Не бойся, маленький, – ласково сказала Роми, – мы не сделаем тебе ничего плохого, только вырежем глаз.

Пока мы развлекали Эву, обустривали квартиру, у меня

совсем не оставалось времени на то, чтобы заняться котенком. В результате котенок остался у нас третьим. У меня есть две кошки: Маша и Шуба. Обычный состав моей семьи – это я и два кота, потом к нам добавилась Роми. Я часто подбираю уличных котят, но всегда нахожу им хозяев на специальной кошачьей «бирже», устроенной для таких же любящих животных психов, как я. А тут: переезд, приезд Эвы и еще... И это, возможно, главная тайная причина – кошка была трехцветной, а они, по русскому поверью, приносят счастье. Ну а в моей жизни уже очень давно не было такого счастья, чтобы со мной рядом был в общем-то любимый человек, который не закатывал каждые несколько недель сцену в духе: могу ли я, хочу ли я? То есть был твердо уверен в том, что любит меня и мою дочь, и не компостирует мозг своими сомнениями и при этом не бесил меня. К тому же чтобы были работа и хорошая квартира... И все одновременно. Так что я тайком верила, что такое невероятное счастье и везенье случились прежде всего потому, что у меня живет трехцветная кошечка. Бред, конечно. В общем, как бы то ни было, но кошек стало три, новую трехцветную назвали Ноной, что по-французски означает «одноглазая».

С двух лет Роми мечтала о собаке. И Жоффруа тоже часто говорил, как было бы здорово завести собаку. Для меня мужчина, который не падает в обморок из-за очередного котенка, уже был «бредомпитом» и суперменом. Надо сказать, что на нашем совместном счету уже были подобранны и Но-

ной, которую Жоффруа и Роми выкармливали из соски. Я тоже думала, что это здорово – завести собаку, да и все равно они были в большинстве. В один из вечеров я листала фейсбук и наткнулась на фотографию совершенно очаровательных щенят, которые искали хозяев.

Мы сказали Роми, что едем к друзьям, и все вместе поехали за щенком в Ашкелон. Он находился на передержке у какого-то косоглазого мужика, жившего в жуткой маленькой конуре с тремя большими собаками. В квартире, если вообще это помещение можно так назвать, стояла жуткая вонь. В углу сидел очаровательный щенок крупной беспородной собаки. Белая шейка и рыжеватые ободки вокруг глаз делали его очень похожим на плюшевого мишку. Я сказала Роми:

– Посмотри, кто там в уголке.

Роми кинулась обнимать щеночка, совершенно ничего не понимая.

– Зайка, он тебе нравится?

– Да, очень.

– Хочешь, мы возьмем его домой?

– Правда? Это мне собачка?

– Да.

Когда мы ехали в машине домой, Роми держала щенка на руках и не переставала повторять:

– Надо же! У меня есть собака! Настоящая собака! Я не могу в это поверить!

Это был замечательный день. Приятно сделать ребенка

счастливым. Вот так из вменяемой хозяйки двух кошек я стала психом с тремя кошками и здоровенной собакой. Собачка с самого начала была очень славной, не очень бешеной, не очень прилипчивой, очень ласковой. Ноной и Мишка – так мы называли щенка, оказавшегося девочкой, – умиляли нас своими играми. По вечерам мы все вместе выгуливали Мишку, потом ужинали, играли в «монополию», иногда к нам заходили Дафна с Сиван или Нинель с Лин. Когда Роми ложилась спать, мы смотрели какой-нибудь фильм или сериал. По выходным мы ездили завтракать в кафе при ЛГ-БТ-центре в парке Меир. Парк этот, конечно, не такой красивый, как европейские, но в нем есть обаяние старого Тель-Авива – аллейки, детская и собачья площадки, озерцо и кафе под открытым небом. Почти каждую пятницу мы обедали у моих родителей, а потом ехали в гости к моим друзьям. Я старалась, чтобы Жоффруа не скучал, и переводила ему все, что говорят вокруг. Жизнь можно было бы назвать прекрасной, за исключением одного момента – денег. Несмотря на то что мы оба работали, денег все время катастрофически не хватало. С появлением Жоффруа мне стало еще тяжелее финансово. Средств не хватало постоянно и на самое необходимое.

В конце лета был очередной совершенно нереальный хамсин, когда небо серое или даже какое-то желто-серое, воздух горячий, как в духовке, и даже не верится, что это все настоящему. Этот хамсин длился не пару дней, как бывает

обычно, а затянулся уже на недели. Начались какие-то очередные праздники, и все, что мы смогли себе позволить, это съездить на два дня в Будапешт. На мои деньги, естественно. Там было замечательно чисто, свежо и очень красиво. Именно там мы и начали думать о том, что в Европе жить намного приятнее и, может быть, нам стоит переехать во Францию.

Решение

Да, мы впервые довольно серьезно задумались о том, что можем переехать в Европу. Я видела, что Жоффруа ощутил, насколько легче жить в своей среде. Надо сказать, что он и правда впервые за все время, что мы провели вместе, чувствовал и вел себя как рыба в воде. Он сделал много прекрасных фотографий, и моих в том числе. Не могу сказать, что тогда в Будапеште я была так же счастлива, как когда-то была счастлива в Риме со Стасом – парнем, с которым встречалась два года. Стас был последним в моей жизни мужчиной, которого я любила такой любовью, когда счастлив просто от каждой минуты вместе, даже если она напополам перемешана с болью. От такой любви бываешь счастлива, просто глядя на то, как человек спит рядом, слушая, как он дышит. Нет, это было совсем не так, конечно. Но в этом был какой-то покой. Не было страха, что этот человек захочет исчезнуть из моей жизни и весь мой мир рухнет... на время. Потом восстановится, но будет мучительно и тяжело. Нет, даже лучше, когда этого нет. Как бы ни было, знаешь, что больно не будет.

Мы вернулись в Тель-Авив. Жизнь потекла своим чередом. Собачка росла, Роми и Жоффруа честно убирали за ней. Наступила зима. Все в нашей жизни было неплохо, кроме того, что Роми совсем не могла спать по ночам и звала меня. Жоффруа предлагал побыть с Роми, чтобы я могла по-

спать. Но мне эта идея не понравилась, и я отказалась, объяснив, что в такие минуты ей нужна именно я. Он обижался, потому что считал меня недостаточно строгой с ней, и мне это нравилось все меньше. А я не могла принять его воспитательные методы, особенно учитывая, что сам он так и не простил предательства матери, которая позволяла отчиму избивать его чуть ли не с рождения. У нас начались стычки из-за Роми. Жоффруа считал, что она намеренно отнимает у него мое внимание и таким образом старается нас разлучить. Я объяснила ему, что соперничать с моей дочерью не стоит, потому что в таком случае он уже проиграл. Был момент, когда я поняла, что если мы расстанемся, то из-за этого. Но в основном мы продолжали жить мирно и дружно.

Жоффруа по-прежнему делал какие-то глупости, например, купил за много денег подержанный электровелосипед, сломавшийся меньше чем через месяц. Его можно было бы обменять на новый, доплатив, но Жоффруа потерял квитанцию из магазина. В результате мои родители купили ему новый. Потом он потерял бумажник, и я созванивалась с утра пораньше с нашедшей его женщиной. В другой раз он оставил в такси новехонький дорогуший айфон.

* * *

Зимой произошла довольно противная вещь. Я пришла на работу, как обычно, и у меня на телефоне высветился неиз-

вестный номер.

– Здравствуйте, – сказал телефон женским серьезным голосом, – вам звонят из криминальной полиции. Вы должны явиться к нам на улицу Валленберга, десять, в четырнадцать часов.

– Что?! По какому поводу?

– Приезжайте, и мы вам все объясним.

– Но я не могу сейчас, я на работе.

– Вы обязаны явиться.

Я в ужасе позвонила Лорке, она адвокат.

– Слушай, я, конечно, извиняюсь, но твой Жоффруа нигде ничего не натворил?

– Да нет, насколько я знаю. А это может иметь отношение к эм-м-м... моим покупкам?

Под покупками имелась в виду трава. Все, кого я знаю в Израиле и не только, курят траву. Курили, конечно, и мы. Курили, впрочем, очень редко, потому что купить негде или очень дорого, но иногда случалось.

– Да ты с ума сошла! – засмеялась Лорка. – Уж поверь мне, твоя потребительская корзина их точно не может заинтересовать. Но, как бы ни было, помни: ты имеешь право не отвечать. Если вопрос тебе не нравится, отказывайся отвечать.

Побелев от ужаса, я пошла к начальнику и сказала, что мне нужно срочно уйти. Ломая голову ехала я на допрос, вспоминая многочисленные статьи, прочитанные в фейсбуке, о том, что в последнее время израильская полиция пре-

вратилась в банду гопников и управы на них нет. По дороге я позвонила еще одной близкой подруге, и она дала мне телефон известного в русской тусовке адвоката, заодно рассказав мне историю, которая случилась когда-то с нашей общей подругой Машей. Маша была дома с пятилетней дочкой, и вдруг к ней в дом вломились менты, заперли перепуганного ребенка в комнате, повалили Машу на диван и, вообще ничего не объясняя, устроили обыск. Когда Маша вызвонила этого самого адвоката, ей наконец сообщили, что у нее в саду растет куст марихуаны, и об этом сообщили соседи. Ей грозило аннулирование диплома медсестры и полицейское расследование. Самое обидное, что ни Маша, ни ее муж даже не видели этот куст марихуаны.

Эта история про полицейский произвол напугала меня еще больше. Как человек, выросший в Советском Союзе, я очень боюсь системы и знаю, что невиновность на самом деле ни от чего не освобождает. Можно попасть в какой-нибудь переплет совершенно случайно и потом черта с два вырвешься из шестеренок этой машины. Раньше я не чувствовала себя так в Израиле, но за пятнадцать лет, благодаря несменяемому премьеру Нетаньяху, наше государство становится все менее правовым.

Кое-как припарковавшись, я дошла до здания полиции. Мне сказали подняться на второй этаж, сесть на скамейку напротив лифта и ждать. Ждать, несмотря на срочность вызова, пришлось долго. Часа три. Рядом со мной сидела сим-

патичная русскоязычная девушка, к которой была приставлена бабулька – божий одуванчик из ватиков. Мы разговорились с девушкой, оказалось, что ее тоже вызвали совершенно неожиданно, и она ума не приложит зачем. Девушка была из новоприбывших, потому-то к ней и приставили переводчицу. Бабулька решила, что она тоже сыщик, и старательно лезла с расспросами: зачем она приехала, чем занимается, и прочая.

– У вас часто так вызывают людей в полицию без всяких объяснений? – спросила девушка у меня.

– Даже не знаю, что вам сказать... Со мной такое впервые. Мы стали думать, что это может быть за фигня, ведь нас явно вызвали по одному и тому же делу. Но ничего реального в голову нам не приходило. Оказалось, что в выходные мы были на одной и той же вечеринке в Тель-Авиве. Мы предположили, что на этой вечеринке что-то случилось, хотя трудно было себе представить, что же может произойти на вечеринке русскоязычных израильских хипстеров под сорок.

В конце концов девушку вызвали в кабинет, а я дозвонилась до того самого адвоката. Он мне сказал одну важную вещь:

– Если ты услышишь словосочетание «вы обвиняетесь», сразу отказывайся отвечать, не сотрудничай с ними и можешь гордиться любой чушь.

Через час или два девушка с бабулькой вышли. Девушка выглядела очень перепуганной. Я спросила ее, о чем шла

речь, но она не могла мне ответить. Зато бабулька подскочила и злорадно сообщила с характерным для ватиков противным акцентом:

– Ее обвиняют в наркотиках!

Побродив еще по коридору, я вдруг увидела дилера Пашу, у которого мы пару раз покупали траву больше года назад. Паша был в наручниках, и я сразу поняла, зачем они меня вызвали. Я полезла в ватсап и стерла два сообщения, посланные Паше полтора года назад, хотя это, конечно, было глупо.

Надо сказать, что раньше я никогда в своей жизни не покупала траву, ее обычно приносили мужчины, которые заходили ко мне в гости, с ними же я и курила. Я никогда в жизни не курила одна, от марихуаны мне хочется заниматься сексом и болтать, а зачем мне это нужно самой с собой? Так что оба раза я покупала траву для Жоффруа, который и этим себя не мог обеспечить из-за незнания языка.

Наконец меня вызвали к следователю. Мне тут же заявили, что я обвиняюсь в употреблении наркотиков. Я даже не знала, что употреблять марихуану запрещено, вроде для личного пользования было можно. И начался допрос.

Следователь оказался молодым мужиком, так что сначала все было мило, и мы шутили. Потом, когда он начал меня спрашивать, знаю ли я Павла Идельсона, а я ответила, что знаю как минимум четырех Павлов и не помню, есть ли среди них Идельсон, следователю перестала нравиться наша беседа. Его сосед по комнате, жлобоватый дядька из восточ-

ных, вдруг заголосил:

– Да у меня есть фото, где вы все вместе в лесу жарите шашлыки!

– Да ладно, – говорю, – давай покажи.

– А объясни, что ты покупаешь в граммах? – вступил мой, более интеллигентный. – Ты вот написала этому Павлу: «Можно купить 1?»»

– Да мало ли что? Я вот люблю так покупать перец и соль, – не придумала я ответа умнее.

– Перец и соль в граммах?

– А это запрещено?

– Нет. Но я оставлю у себя твой телефон, это вещественное доказательство.

– Да вы вообще сдурели, что ли?

– Ты пойми, я же не тебя ищу, ты мне совсем не нужна.

– Я понимаю, но тем не менее я здесь уже пять часов, вы меня в чем-то зачем-то обвиняете и хотите, чтобы я вам помогала.

В общем, они меня очень долго держали, сказали, что заводят на меня дело, отвели в какой-то подвал и сняли отпечатки ладоней, сфотографировали в фас и в профиль. Пока они этим занимались, рация постоянно сообщала о нападении или ограблении.

– Вы бы, может, занялись настоящей работой вместо того, чтобы запугивать мать-одиночку. Вы меня здесь без еды и воды держите с двух часов, а уже ночь.

– Ну так это же намного проще, – добродушно ответил мне толстый мужик в кипе, занимавшийся моими ладошками.

– Да ладно, – вдруг влезла девица-полицейская лет двадцати от роду, – ты тут всего-то пару часов.

– Ну ясен пень, с двух часов до десяти обычно всегда два часа получается – интересно вас в полиции считать учат!

Чтобы пойти домой, мне нужно было вызвать Жоффруа и оставить в залог 1000 шекелей. Сразу после этого пришлось купить новый телефон. Я заблокировала симку, и они могли моим телефоном только орехи колоть. Но вообще-то это был мой любимый айфон, и покупать новый в мои планы совсем не входило. А пришлось.

Потом были разговоры с адвокатом, который сначала говорил, какая все это чепуха и мне никто ничего не может сделать, а теперь стал убеждать в том, что я крепко влипла и это вполне может полностью разрушить мою жизнь, по ходу еще и выставил меня полной дурой, заявив:

– Боже, она мне звонит с паленого телефона и говорит такие вещи! Гениально! Приходи ко мне в кабинет, и мы все обсудим. Я бы на твоём месте сделал это немедленно. Моя консультация стоит 500 шекелей, могу записать тебя на среду.

У меня не было денег, и этот урод адвокат, который каждый день в фейсбуке высмеивал жертв насилия и строчил высказывания в духе «каждая баба, которую отметелил ее муж,

сначала этого заслужила», не вызывал никакого доверия.

Из дома я позвонила Нинель и предупредила ее о Паше. Она тоже жутко перепугалась. А сама я была в отвратительном состоянии, мне казалось, что кто-то циничный и злой бесцеремонно влез в мою жизнь и со смехом ковыряет палочкой в том, что мне дорого и важно для меня. Я не привыкла жить в паранойе. Моя маленькая жизнь, в которой я никому ничего не сделала плохого, в которой я работаю с восемнадцати лет и честно плачу налоги, к слову немалые, не должна интересовать полицию. Я не заслуживаю всего этого лишь за то, что выкурила косяк полтора года назад. Я даже не смогла позволить себе купить этот самый косяк. Там всего-то было две переписки. В одной говорилось: «– Можно 1? – Да», а в другой: «– Можно 1? – Нет». Это значило, что я хочу купить один грамм травы, а он не хотел продавать меньше пяти, но на пять у меня уже денег не было. Полиции вот налоги заплатила.

Ночь была ужасной, меня трясло, и бесконечно крутилась в мозгу вся эта беседа со следователем, весь этот кошмар. Мысли о том, что надо было ответить не так, а вот так, сводили меня с ума. К утру я вдруг четко осознала, что я хочу уехать. Я видела себя со стороны, униженно сидящей четыре часа подряд на скамейке, упираясь взглядом в лифт. На мне была потертая кожаная куртка, которой было уже шестнадцать лет, свитер-платье, его я купила шесть лет назад и больше не любила, старые стоптанные полусапожки.

У меня ничего не было. Я работаю с восемнадцатью лет, я начала работать через неделю после нашего приезда в Израиль, вот уже шестнадцать лет я прилично зарабатываю, в моей жизни не было ни единого месяца, когда я бы не зарабатывала, но у меня есть только девятилетняя машина и куча долгов. Я никогда не смогу купить себе жилье. Я всю жизнь таскаюсь с корзинками-картонками по съемным квартирам. Я никогда не выбирала жизнь здесь. Я не люблю – чтобы не сказать ненавижу – жару, Восток, грязь и уродство. Я не хочу здесь больше жить.

Да, здесь у меня очень много друзей и людей, которых я люблю. Но они часто забывают о моем существовании. Не раз и не два я довольно униженно обзванивала друзей по выходным и спрашивала, не хотят ли они встретиться, а то ребенок хочет хоть с кем-то поиграть, да и мне неплохо бы перекинуться парой слов хоть с кем-то из взрослых. На самом деле мы с дочкой и так были часто одни. Когда я в ужасе курю в окошко по ночам, никто из моих друзей ведь не поможет мне. А родители так любят рассказывать мне, что в Израиле всем живется очень хорошо и, если бы я не была такой транжирой, то купила бы квартиру, как все дети их друзей. Я не могу спокойно переносить эти беседы, и мы с мамой ссоримся. Я знаю, что родители считают меня своим позором, и, оказывается, мама просто по-настоящему горюет из-за моей никчемности. Как-то раз она с возмущением пересказала мне разговор со своим другом Володи́ей, постоянно

пребывающим в унынии и депрессии:

– Ты посмотри, какие у тебя хорошие дети! Все купили себе квартиры, хорошо живут. А ты подумай о нас с Соней, например! И ничего! Мы держимся, а ты раскисаешь из-за пустяков!

Дочь маминой подруги Сони болела рассеянным склерозом, была полным инвалидом и жила в Лос-Анжелесе. Мне понравилось, что я и полный инвалид в одной весовой категории.

Наутро я повела собаку на прививку. Ветеринарная клиника находилась на стыке нашего города Рамат-Гана и Бней-Брака. Людям, которые никогда не бывали в Израиле, трудно себе представить улицу в Бней-Браке. То есть с первого взгляда трудно разглядеть разницу помоечности Рамат-Гана и Бней-Брака, но все же в Бней-Браке уровень зашкаливает. Там можно увидеть валяющиеся на улице использованные подгузники, обветшавшие дома увешаны проводами. По улицам в сорокаградусную жару шастают одетые бедно, но в теплую одежду детишки. Одеты они так ради соблюдения скромности, а то, не ровен час, трехлетняя девочка кого-то прельстит. От собаки они обычно с ужасом и криком бросаются врассыпную, хотя она на них даже не смотрит. Собака – не кошерное животное, и ультрарелигиозные евреи не держат их в домах. Вот и для детей живой пес – почти такое же чудовище, как дикий волк. Мы с Мишкой шли по этой улице, и вдруг поняла: я этого больше не хочу в своей жизни. Я

хочу, чтобы мой ребенок видел другие улицы и другие дома, чтобы вокруг были другие люди, чтобы религия не считалась единственно возможной нормой и чтобы моей дочке не забивали этим голову в школе, чтобы она видела зеленый лес и осеннюю листву. Я решила, что хочу уехать.

Когда мы вернулись домой, я сообщила о своей идее Жоффруа. Он сказал, что готов жить где угодно, если там будем я и Роми. На следующий день я связалась с Карин.

Роми и ее отец

Больше всего в решении переехать меня смущала мысль о Роми. У нее ведь в Израиле есть отец, с которым она видится дважды в неделю, есть сестричка – его вторая дочь, есть дедушки и бабушки. А там будем только мы и дети Гая и Карин, и иди знай, как сложатся у них – да, может, и у нас – отношения. Карин говорила, что дети легко адаптируются, но отец – это и правда важно. Наверное, здесь нужно рассказать, кто такой Ромин отец и как получилось так, что она есть в моей жизни. Наверное, вам кажется, что ее отец – это мой бывший муж, но ничего подобного. Наш с ним брак закончился за четыре года до ее появления на свет. После восьми лет попыток оживить наши умирающие отношения я влюбилась в другого – редкого стервеца на самом деле, – и мы разошлись. Это было больно, драматично, с массой страстей и слез, но закончилось мирно, и мы до сих пор близкие люди и хорошие друзья.

Отец моей дочери – это человек, имени которого я бы и не вспомнила сегодня, не будь у меня Роми. Мне было тридцать четыре года, я жила в центре Тель-Авива развеселой холостяцкой жизнью. Это был период необязательных и часто одноразовых связей, веселых вечеринок, новых знакомых. Позади остались несколько неудавшихся работ и романов. Однако к тому времени я уже вполне наслаждалась одиночеством

и искала серьезных отношений и отца своих будущих детей.

Надо признаться, что никогда я и не умела наслаждаться этим самым одиночеством ни в каком смысле. Я самый социальный человек из тех, кого встречала. Когда я расставалась с мужем, я не планировала быть одна, я хотела быть с тем, кого я люблю. Я не была готова к тому, что останусь совсем одна, без друзей, а они все исчезли вместе с мужем. Мне было очень больно и страшно. Оглядываясь назад, я вспоминаю тот недолгий период, когда оказалась в вакууме, как самый жуткий. И как человек, за которым погналась злая собака и он сам не понял, как заскочил со страху на высоченную стену, уже следующий день рождения я праздновала в компании ста пятидесяти новых друзей и подруг. Карин, кстати, тогда довольно настойчиво звала меня переехать в Париж работать под ее началом, но мысль о том, что я снова останусь совсем одна, настолько пугала, что мне даже в голову не приходило рассматривать это очень хорошее предложение.

Так вот, возвращаясь к Роминому папе. На очередной вечеринке ко мне подошла знакомая и спросила, не хочу ли я познакомиться с ее приятелем. Парень был симпатичным, и я согласилась. К моему удивлению, он оказался нерусским, хотя тусовка была русская. Обычно я не спрашиваю людей об их происхождении, мне это кажется невежливым, но тут так получилось, я ведь думала, что он русский.

– Я француз по происхождению, – сказал парень.

– Что значит француз? – не поняла я. – Марроканец?

– Да нет, француз.

– В смысле? Французских евреев нет в природе, их изгнал из Франции Филипп Красивый в Средние века.

– Ну так я и не еврей, а просто француз.

– Вот это да! А что делаешь в наших палестинах? И судя по произношению, ты родился здесь.

– Это долгая история, оставь мне телефон, и я тебе расскажу.

Так начался мой роман с Давидом. Наша история была довольно милой и романтической, но продержались мы недолго. Давид действительно был французом. Его родители, молодые и, судя по фотографиям, очень красивые французы Сандрин и Жером, встретились в кибуце в начале семидесятых годов, где в те годы весело проводили время многие молодые европейцы. Они влюбились друг в друга и в Израиль и остались в кибуце вместо того, чтобы вернуться во Францию.

Довольно скоро у них родился Давид. В кибуцах в те времена еще действовала система, когда дети жили отдельно от родителей – через две недели после рождения младенцев забирали в дом малютки, где за ними присматривали молодые ребята. Сандрин рассказывала, что рыдала не переставая, а годовалый Давид умудрялся по ночам уходить из дома малютки и находить своих родителей. Кибуцники заявили Сандрин, что ее сыну нужен психолог, она ответила, что это их безумной системе нужен психолог. После этого Сандрин

и Жером оставили кибуц и построили себе дом в деревне рядом. Жили они в основном на деньги, которые присылал отец Жерома, он был очень богатым человеком.

Для меня – бывшей советской девочки – эта история звучала как сказка из «Тысячи и одной ночи», но все было именно так. Лет через четырнадцать Сандрин и Жером довольно плохо и скандально развелись, и Жером вернулся во Францию. Так плохо, что после развода Сандрин с Жеромом увиделись в Израиле, только когда родилась Роми.

Наш роман с Давидом не то чтобы был совсем несерьезным, я даже успела познакомиться с Сандрин, и она мне очень понравилась. Поначалу все было мило, мы много курили, занимались сексом, он был такой хипповатый Джим Моррисон, знал весь богемный Тель-Авив, но слишком много пил и курил травы, и мне это быстро надоело. Разошлись мы по-дурачки: просто Давид вдруг пропал. Я ничего не имела против того, чтобы расстаться, и сама собиралась это предложить, но ведь можно было как-то сообщить об этом, отдать мне всякое мое барахло и ключ от квартиры.

Через несколько недель после исчезновения Давида мы с подружками сидели в ресторане. Возникла пауза, и я сказала как-то между прочим:

– Что-то у меня давно не было месячных...

– Так аптека напротив, купи себе тест и пописай на палочку – чего мозги сушить?

– А если что, папаша-то хоть симпатичный?

– Ой, вот в этом не сомневайтесь, он может быть каким угодно кретином, но уж точно симпатичный.

Все вокруг знали, что я встречаюсь только с красивыми парнями. Ну правда, откуда мне знать, какие там у него человеческие качества, а так хотя бы я точно вижу, красивый или нет.

Я купила тест на беременность, поднялась на свой одиннадцатый этаж в офисном стеклянном небоскребе и... На палочке было две полоски. Я стояла в модном летнем платье, положив перед собой тест. Я смотрела на эти две розовые полоски и не могла понять, что же я чувствую по этому поводу. Это был не первый раз в моей жизни, когда я видела эти полосочки. И тогда я помню, что меня сразу же охватывала паника и в душе раздавался вопль: «Нееееееет!» Но на этот раз все было иначе. Я поняла, что я жутко, невероятно рада.

Ко мне подошла русская уборщица, которой я часто помогала разбираться с бумагами и счетами. Увидев тест и мое лицо, она сказала:

– Все ведь можно исправить, ты же совсем молоденькая.

– Мне тридцать пять лет, – ответила я.

– Что ты говоришь? Я думала тебе года двадцать три.

И я пошла звонить маме, а потом писать Карин.

О том, что у Давида есть дочь, я сообщила ему, когда ей было уже два месяца и она смотрела на меня из колыбельки своими озорными карими, так похожими на мои глаза. На самом деле я не хотела говорить Давиду, что беременна от

него. Я собиралась растить ее одна. Но я все же не могла отделаться от мыслей о том, что же отвечу ей, когда она спросит, кто ее отец. Я жила тогда в очаровательной рабат-ганской квартире с садиком, в саду стояла колыбелька с малышкой, в кровати играли тени листвы и лучи пробивающегося сквозь листву солнца, и я никогда еще не была так счастлива. Я уже в который раз обсуждала эту деликатную проблему с мамой, и она мне сказала:

– Слушай, ну просто позвони ему и скажи.

И вот я, вдохнув побольше воздуха, набрала его номер.

– Алло, – послышался его слегка надтреснутый голос.

– Привет, это Юля. Помнишь меня?

– Да, привет! Как у тебя дела? – обрадовался он. По голосу было слышно, что он не прочь снова встретиться.

– Дела у меня очень хорошо. Я вот звоню тебе сказать, что у меня дочка от тебя и ей уже два месяца.

– Что? Ты шутишь?

– Да нет, совсем нет.

– И чего это вдруг ты сейчас вспомнила, что нужно мне об этом рассказать?

– Да вот так... Думала, как скажу ребенку о том, кто ее отец, и решила, что не буду ей врать, а тогда надо и тебе сказать. Но ты поступай, как знаешь, мне от тебя ничего не нужно.

– Ничего себе!

– Ты предпочел бы этого не знать?

– Ну да.

– Ну так забудь об этом.

– Как же я теперь об этом забуду?

– Да мне какая разница? Выкури еще пару косяков и забудешь. – Он был жутким обсадком, и мы все время из-за этого ругались, пока встречались.

– Погоди, а это ты недавно прошла мимо меня в Тель-Авиве и не поздоровалась даже?

– Я была с коляской?

– Нет.

– Я была на девятом месяце?

– Нет.

– Ну тогда, видимо, не я. Ладно... Пока.

– Подожди, как ты ее назвала?

– Роми.

– Классное имя, я помню, что ты так хотела назвать свою дочь. Я могу тебе позвонить потом?

– Как хочешь.

Через дня два к нему, видимо, вернулся дар речи, и он позвонил мне и спросил, может ли приехать. Они с Роми сразу полюбили друг друга, она как раз начала улыбаться и была очень на него похожа. И с тех пор Давид – Ромин папа. Папа он неплохой, но, наверное, 85 процентов родительства всегда были на мне и материально, и физически, и морально. Давид забирал Роми к себе два раза в неделю без ночевки и давал мне на нее небольшую сумму. Когда она подросла,

он стал возить ее на выходные к Сандрин. Пока Роми была совсем малышкой, мы вместе ездили к Сандрин и вполне картинно проводили время на лужайке возле ее большого деревенского дома, но Давид совсем не общался со мной, и я чувствовала себя суррогатной матерью. Он был мастером пассивной агрессии: мог целый час сидеть в машине не проронив ни слова, как будто я была бесплатным таксистом, который живет на свете только для того, чтобы возить его самого и ребенка к его матери. Ну да, мы ездили на моей машине, которую вела я, у него не было ни машины, ни водительских прав.

Сразу после того как он познакомился с Роми, все было довольно мило, мы ходили вместе в тель-авивские рестораны, Давид делал красивые фотографии меня и Роми, он хороший фотограф. Я даже думала, не попробовать ли нам быть вместе. Но он старательно игнорировал меня, беседы гасил и только один раз честно сказал, что он счастлив оттого, что есть Роми, и что он рад, что это случилось со мной, а не с кем-то другим, и искренне благодарен мне за то, что я позволила ему быть отцом, но он очень боится, что у нас все равно ничего не получится, а тогда мы еще и будем друг друга ненавидеть. Один раз мы даже попробовали заняться сексом, но как-то тоже не сложилось.

В конце концов его поведение мне надоело. И когда в очередной раз мы ехали к Сандрин, я вышла заправить машину, а он сидел молча, даже не предложив мне денег на бензин.

Я так разозлилась, что сказала ему: это последний раз, и, если Сандрин захочется повидать его и мою дочь, пусть сама приезжает в Тель-Авив. Его мама жила на севере страны – час езды на машине, ну такая вот у нас страна, – а я была уже полгода без работы и ничего в этом плане не предвиделось. на рынке был спад 2008 года.

Давид не был плохим отцом, но настоящим вторым родителем Роми стала Сандрин. Она искренне любит мою дочь. У Сандрин необычная и непростая судьба. Очень красивая парижанка, совершенно случайно оказавшаяся в Израиле, всегда оставалась француженкой в манере одеваться и в стиле жизни, при этом никакой чопорности и вычурности в ней нет, как, впрочем, нет ее и у многих французов. Сандрин никогда ничему не училась, но она как-то мудра и сильна, и мне действительно жаль, что пришлось разлучить Роми именно с ней, а не с Давидом и даже не с моими родителями. Есть вещи, которые Роми рассказывает только ей, они вместе играют, и Сандрин никогда не теряет терпения.

Когда Давиду было лет четырнадцать, Сандрин развелась с Жеромом. Дело в том, что у Давида есть младший брат, который родился без ноги. Его нужно было часто возить на процедуры и на операции в больницу, которая находилась довольно далеко. Богатый отец Жерома прислал им денег на покупку машины, но Жером на эти деньги купил себе шикарный мотоцикл и прикатил на нем домой. На этом их брак закончился, и, как я уже говорила, увиделись после этого,

только когда Жером приехал из Франции, чтобы познакомиться со своей внучкой Роми.

Через несколько лет после развода Сандрин вышла замуж за репатрианта из Бразилии Мигеля. Он был хирургом и, насколько я видела, прекрасным человеком. Так что у Роми есть дедушка Владимир, дедушка Жером и дедушка Мигель.

Моя семья

В один из особенно тоскливых дней на работе, где уже толком нечего было делать, так как отдел наш расформировывали и явно вообще собирались сократить, я отправила Карин свое резюме. Она ответила, что у них есть ставка начальника проектов. Это была работа, о которой я мечтала. Ну как мечтала? Мечтала-то я писать книжки, но разве это работа? Должность руководителя проектов мне казалась и действительно была гораздо менее противной, чем тестирование программ. Мне доводилось поработать немного на такой должности, но каждый раз мне не везло: то фирма закрывалась, то отдел сокращали и я была последней, кто пришел, то еще какая-то напасть. И научиться этому делу мне никогда толком так и не удалось. Опыт у меня в этом был совсем небольшой, а ставок таких в Израиле, видимо, было мало. Сколько я ни пыталась найти такую работу, все было безрезультатно, и приходилось возвращаться к ненавистному тестингу.

Все это напоминало дилемму Фаины Раневской в фильме «Подкидыш»: «Девочка, что ты хочешь? На дачу или чтобы тебе оторвали голову?» Что лучше: жить в прекрасной деревне под Парижем, делать работу, которая нравится и за которую отлично платят, ездить каждый день в Париж и иметь вполне реальную перспективу купить дом или слоняться по

разным фирмам из года в год, занимаясь ненавистной работой в жарком Восточном Израиле и иметь в перспективе возможность получить на старости лет половину родительской квартиры в Ганей-Авив, а до этого так и скитаться, переезжая каждые два-три года? Эм-м-м-м... дайте подумать...

Как ни странно, принимая такие очевидные для меня решения, как, например, родить ребенка в тридцать пять, если уж повезло случайно забеременеть, или вот уехать во Францию с мужем-французом на готовое рабочее место, я казалась многим моим знакомым отчаянно смелым человеком. Они бы на такое никогда не пошли. Но в сложившейся ситуации у меня не было сомнений. В тридцать два я не захотела уезжать, потому что только наладила свою социальную жизнь и у меня еще было много надежд, связанных с Израилем. Но теперь, в сорок три, я понимала, что это – все. Я не заработаю больше денег и не сделаю другую карьеру, а все, что у меня есть – это долги. И никаких радужных перспектив больше нет и быть не может. На тестинг давно не любят брать людей за сорок, и это логично. В нашей работе опыт – ничто. Через два года все, что ты знаешь, превращается в труху и никому не нужно. Вместе с этим превращаются в труху и твои стареющие мозги. Если не предпринять что-то прямо сейчас, то не сегодня, так через год-два я действительно на радость маме буду сидеть за кассой в супермаркете Ганей-Авива. И я выбрала руководить проектами в Париже. Вот такая я странная, отчаянная и смелая. Через

несколько дней после моего разговора с Карин меня вызвал начальник. В его кабинете сидела и кадровичка. У обоих были скорбные лица. Так как увольняли меня уже не в первый раз, я сразу поняла, в чем дело. И не ошиблась.

Серым зимним днем я ехала по скоростной трассе Геа, вернее, стояла в пробке и звонила маме, сообщить новость, и при этом наблюдала уродливейший вид на город Бней-Брак, открывающийся с трассы Геа.

– Ну я же тебе говорю, тебе не по карману эта жизнь в Рамат-Гане! Надо снимать квартиру там, где ты можешь, – это мама намекает на свой Ганей-Авив.

– Во-первых, нигде не дешево.

– Да, у нас тоже квартиры дорожают, конечно, – гордо сказала мама.

Маразм заключался в том, что даже квартиры в этой страшнейшей дыре, окруженной настоящими трущобами, населенными арабскими продавцами героина, действительно стоили так же, как квартиры во вполне приличных предместьях Лондона или Парижа.

– Мама, я говорила с Карин, может, удастся получить работу в ее фирме.

– И? Ты что, поедешь во Францию?

– Ну да, я предпочитаю жить под Парижем, а не в Ганей-Авив.

– Да это же полный бред! Вы рассоритесь с этой Карин, тебя опять выгонят с работы, а потом ты вернешься к нам

с папой на голову со своими кошками и собаками и наша с папой жизнь кончится!

Я почувствовала себя так, будто в меня воткнули холодный нож и прокрутили его пару раз. Стало просто физически больно, в горле возник противный ком и застрял там.

– Спасибо, мама, что веришь в меня, но я уже двадцать пять лет не живу с тобой и как-то справлялась до сих пор, я тебе обещаю, что лучше сдохну на улице, но не приеду жить к тебе на голову, – тихо сказала я, еле сдерживая слезы от обиды.

После увольнения я снова начала бегать по собеседованиям, чтобы найти работу на те месяцы, которые понадобятся для переезда или на случай, если переезд не выгорит. Карин тем временем беседовала со своими. Мы созванивались и обсуждали план действий, если все получится. План был такой: мы переезжаем летом, когда у Роми закончится школа, жить можем в квартире, которую сейчас снимает Карин, она как раз собирается купить дом и летом в него переехать. Довольно скоро фирма Карин назначила мне собеседование по скайпу. Я не могла даже представить, что смогу пройти собеседование на французском языке. Потом позвонили снова, на этот раз я говорила с моим будущим начальником, никаких сложных или конкретных вопросов мне не задавали, все было больше похоже на дружескую беседу. И очень скоро Карин сообщила, что я принята.

Неожиданно сработали мои прошлогодние усилия по по-

иску клиентов – знакомые предложили мне отличный временный проект по тестингу. Офис находился рядом с алмазной биржей, это центральная тель-авивская бизнес-зона со множеством офисов и ресторанов в пятнадцати минутах езды от моего дома. Работать нужно было в некоем издательстве вместе с парнем, который когда-то был моим коллегой в «Комверсе». Люди были очень приятные: всякие экономические обозреватели и журналисты. Проверять нужно было их веб-сайт, что легче легкого, а денег я попросила очень много. Все сходилось, как идеальный пазл. Единственное, что меня удручало, – это как воспримут новость о моем отъезде родные. Сообщать об этом им было очень тяжело.

* * *

На пасхальном седере у моих родителей мы сидели за столом, как обычно. Надо сказать, что застолья у моих родителей всегда проходят по одному и тому же сценарию. Красивый стол, на котором классические советские и ашкеназийские блюда обязательны: салат оливье, свекольный салат с майонезом и орехами и, конечно же, холодец. Ну и раз у нас Песах, то непременно должна быть фаршированная рыба. Еда всегда очень вкусная. Компания у нас небольшая и с каждым годом становится меньше и старше.

С нами всегда празднуют моя сестра Женя, двое ее сыновей-близнецов, теперь уже взрослых парней; моя тетя Элла с

мужем Борей и друзья моих родителей, Соня и Алик Браверманы, которые всегда приносят фаршированную рыбу – это их фирменное блюдо. Я считаю их членами семьи, потому что они были в моей жизни всегда. Это интересная пара, родители той самой, больной рассеянным склерозом, девушки. Несмотря на то, что я знаю их с самого детства, я ни разу не видела их дочь, она всегда жила в другом городе. Пара эта интересна и своей историей, и отношениями. От них веяло какой-то темной страстью, которая с годами превратилась в ненависть, такую же сильную, как любовь.

Я помню Соню и Алика, как и своих родителей, примерно с их сорока лет. Алик был красивым мужиком, таким типичным шестидесятником в модных очках с толстой оправой, заядлым курильщиком и спортсменом одновременно. Ходил в походы, катался на лыжах, играл в пинг-понг и пил с друзьями водку. Соня была женщиной с яркой, но, скорее, непривлекательной внешностью. Она всегда одевалась в интересные, эффектные наряды, которые она, как многие советские модницы, шила своими руками. Певунья, интеллектуалка, любительница кино и литературы. Алик и Соня познакомились, когда Соня уже была замужем, безумно влюбились друг в друга, и Соня ушла от «вполне хорошего человека» к Алику. Не знаю, были ли они счастливы и как долго, но, сколько я их помню, они постоянно ссорились. Помню, в одном из походов, в которые мы с родителями часто ходили, я отошла к озеру. Вдруг из-за кустов, не замечая меня,

выскочили Соня и Алик с криками и воплями:

– Идиот! Браверман, ты же просто идиот! Ты посмотри на себя, ты же снова пьян! – кричала Соня.

– Жаба, не квакай, – отвечал ей подвыпивший Браверман.

Меня это поразило. Мои родители никогда не ссорились, максимум мама могла накричать на папу за то, что он купил недостаточно спелые помидоры. Но представить, что папа может назвать маму жабой, было невозможно. К тому же меня удивило, что Браверман не сильно отличался воображением от моих одноклассников. У Сони и правда были глаза навыкат, и я тогда, в детстве, подумала, что она должна жутко обидеться. Тогда я не могла себе представить, как на самом деле взрослые мужчины могут обижать женщин, и «жаба» меня очень впечатлила. В общем, бесконечные скандалы Браверманов были всем известны, над этим подшучивали, никто особенно не впечатлялся, и они шли своеобразным фоном к застольям, походам и вечеринкам. Но, видимо, впечатляли их дочь, которая с шестнадцати лет жила в Риге одна, а потом в 1989-м сразу же уехала в Лос-Анджелес, и любые ее контакты с родителями заканчивались дикой ссорой. Не думаю, что этому стоит удивляться.

У Сони и моей мамы есть любимая смешная история, которую я слышала тысячу раз. Когда-то в шестидесятые годы в Киеве случилось довольно сильное и аномальное для

Украины землетрясение. Соня была дома с младенцем. Когда землетрясение началось, она вспомнила, что становиться нужно под дверной косяк. И вот Соня стоит под косяком и дрожит. Наконец землетрясение закончилось, и она обнаруживает, что мертвой хваткой обнимает новые рыжие кожаные сапоги, за которыми накануне отстояла в очереди. А в совершенно другом конце комнаты спит в кроватке младенец, о котором она и не вспомнила. Что именно смешит маму и Соню в этой истории, я не знаю. То, что Соня всегда гораздо больше интересовалась своими сапогами, чем дочерью, или то, как тяжело было купить в Советском Союзе сапоги. Но, видимо, ее дочке всю жизнь было не очень смешно.

С нами всегда за столом Элла и Боря. Элла – младшая сестра моей матери, которая, как и положено младшей сестре, является полной противоположностью старшей. Если моя мама сильная, доминантная, независимая в своих суждениях и не прочь навязать свои независимые суждения другим, то Элла считается слабой, ранимой, заботливой матерью, женщиной, для которой всегда на первом месте семья и дети.

Такой же тихий и закрытый человек ее муж. Как и мой отец, Боря преданно любит свою семью. Несколько лет назад, в начале зимы, когда сильные осенние ветра гуляли по горному городку Ариель, где проживали Элла и Боря, Боре понадобилось отпилить ветку с лимонного дерева в своем саду. Он залез на стремянку, подул сильный ветер, стремянка

пошатнулась, и он упал на выложенную булыжником землю. Боря довольно сильно ушибся, однако не придавал этому большого значения. Но вечером он вдруг стал путать слова, потерял сознание и его срочно увезли в больницу. Оказалось, что у него в мозгу образовалась гематома, которая убила часть клеток мозга, – в одночасье он превратился в парализованного человека, который не может ни двигаться, ни говорить, ни самостоятельно есть. Врачи сказали, что он может восстановиться, если с ним разговаривать и не бросать его одного.

Долгие месяцы вся семья по очереди дежурила у него в больнице. В результате он поразительно быстро для своего возраста восстановился и даже обнаружил в себе новые таланты. В семьдесят семь лет он начал посещать хор и с тех пор не перестает петь и писать песни. Сначала это было, конечно, умилительно, но в какой-то момент сильно надоело. Теперь каждое застолье проходит так: все едят, пьют, общаются, но где-то в середине вечера Элла и Боря деловито раздают листки с заботливо распечатанными стихами, которые Боря написал и положил на музыку старых советских песен. А за этим следует обязательное совместное караоке, солистом которого выступает, конечно, Боря. В песнях этих обычно поется о том, как здорово, что мы приехали в Израиль. В какой-то момент мама установила для Бори квоту не более двух песен за вечер. Так и живем. Я всю жизнь мечтала уметь петь, но недавно поняла, что люди, которые поют, просто не могут не петь, а это очень достает и смущает

окружающих.

Следует вспомнить и о тех, кто за нашим столом не присутствует, а, по идее, должен бы. Это «закаббаленные» члены семьи: Шломо и Ханна. В эти дни года оба занимаются такими важными делами, как предотвращение атомной войны, перерабатывание квантовой энергии в свет и другими увлекательными и приятными вещами. Шломо и Ханна – не муж и жена. Шломо – это муж моей сестры Саша, а Ханна – дочь Эллы и Бори, моя двоюродная сестра Алена.

Шломо ударился в каббалу сразу после нашего приезда в Израиль. Когда он приехал, то чувствовал себя очень потеряннным и больным – в советской армии он серьезно повредил ногу и с тех пор время от времени испытывал ужасные боли. Уж не знаю как, но он нашел центр по изучению каббалы. Мгновенно втянулся и сразу же принялся поучать всех вокруг. Впрочем кроме нас больше никого вокруг не было. Он рассказывал нам, как мы неправильно живем, как они в своем «махоне» собирают энергию и что-то там с ней делают, вот лично он, Саша, а нынче Шломо, непосредственно участвует в спасении планеты на энергетическом уровне. Конечно, здорово: был ты себе простым рабочим без среднего образования, а тут раз – и планету спасаешь. Кто ж откажется?

Мы все подшучивали над Сашей-Шломо, но как-то раз от скуки Аленка тоже решила пойти с ним на занятия. Потом сходила в центр по изучению каббалы еще пару раз, и все –

мы ее потеряли. Вот это уже было совсем не так смешно. Дело в том, что Аленка была моим самым близким человеком в семье. У нас небольшая разница в возрасте, и, хотя мы не были похожи, все равно отлично понимали друг друга, дружили всю жизнь и все на свете поверяли друг другу. Во всяком случае, я. Мы вместе выросли, вместе проводили лето с бабушкой на даче, вместе знакомились с мальчиками... Став подростками, вдвоем слонялись заброшенные и никому, кроме друг друга, не нужные, по жутковатому городку Петах-Тикве и покупали себе один шоколадный йогурт на двоих. И тут – раз! – и человек смотрит на тебя вроде бы теми же небесно-голубыми глазами, но в них нет ничего, только отсвет священных книг Зоар. Он тебя не видит. Проходит сквозь тебя, как привидение через стену.

К тому времени мы уже год жили в Израиле, Аленку, как малолетнюю, записали в старшие классы школы и напрочь забыли про нее. Она, в отличие от меня, была скрытной и тихой девочкой, и не замечать ее проблемы родителям, да и всем вокруг, было очень легко. Из старших классов школы она быстро вылетела и стала обтачивать алмазы на алмазной бирже. Занятие это, наверное, не очень увлекательное и душу ничем не наполняет. Вот так моя родная и своя Аленка превратилась в Ханну и очень быстро порвала все связи с семьей.

Но вернемся к нашему пасхальному столу. Моя сестра Женя сидела рядом со мной. У нас странные отношения, мы

противоположны во всем. Я помешана на визуальной эстетике, моя сестра просто не видит и не интересуется этой стороной жизни, я люблю секс, флирт, все, что вокруг, моей сестре на это наплевать. Я, видимо, легкомысленная по сравнению с ней – она очень серьезная: работает, всегда учится на очередных университетских курсах, ведет какие-то некоммерческие организации. Я же еле успеваю просто работать на работе. Мы никогда не умели дружить, но я знаю, что мы любим друг друга. Да, я гораздо более близка со своими подругами, но знаю, что всегда могу рассчитывать на сестру. Ну если правда нужна будет помощь.

Женя начала меня расспрашивать о планах на свадьбу, к тому времени мы уже решили пожениться. Я, честно, никогда не стала бы регистрировать наш союз официально, если бы не нужно было уезжать. Когда Женя спросила меня, поедем ли мы жениться в Прагу, как это делают многие израильтяне, я сказала, что мы, похоже, уезжаем во Францию, только пока не нужно ничего говорить родителям. Ее глаза мгновенно наполнились слезами, и она только тихо сказала, что понимает, и в таком случае, конечно, не стоит тратить много денег на свадьбу. Мне было грустно и совестно, но я ни капли не сомневалась, что поступаю правильно.

Наутро Женя позвонила мне и стала буквально на меня орать, что я делаю что-то чудовищное, что это плохо для моей дочери, что я сумасшедшая и разрушаю свою жизнь.

– Жень, ну скажи мне, что такого разрушительного в том,

чтобы поехать пожить во Франции?

– Это плохо для ребенка. Ты забираешь ее от семьи!

– Но мы и есть ее семья.

– Ей там будет плохо, у нее здесь своя жизнь.

– Но миллионы людей переезжают в другие страны и живут там с детьми, и никто не умирает. У меня же нет здесь работы, меня все время увольняют из тестинга, и я больше никак не могу этим заниматься, может быть, там больше возможностей.

– Жоффруа никогда раньше толком не работал, с чего ты взяла, что он будет работать сейчас?

– Но он же работает вот уже год. Скажи, ты сердишься из-за того, что родители остаются на тебе?

– Вовсе нет, мне это совсем не мешает, я просто волнуюсь за Роми.

– Знаешь, я ценю то, что ты внезапно так интересуешься Роми и мной, но это я – ее мать, и это я зарабатываю деньги на ее жизнь! И я не еду в Сирию или в Афганистан. Я сама решу.

– Ты увидишь, тебя так же уволят, как и здесь, а он никогда не станет работать.

Это мне напомнило наш давний разговор, но на этот раз я смогла не обращать на это внимание. Когда Роми только родилась, я полтора года сидела вообще без работы. Просвета не было видно, и я подумывала, не пережить ли этот период на Гоа вместе с ребенком. На копеечное пособие, которое

светило мне в случае, если я так и не найду работу, там можно вполне неплохо жить, у меня были друзья, которые жили там уже несколько лет. Но Женя с мамой начали биться в такой истерике, какой я от них даже не ожидала. В Индии я никогда не была, и она меня никогда не привлекала, но масса моих друзей были в восторге. Я и так не люблю жару, нищету и грязь, человек я не духовный, открывать чакры вместе с пятым глазом мне неинтересно – мне просто казалось, что это лучше, чем работать на какой-нибудь черной работе в Израиле. И я не поехала. Но сейчас Женя говорила почти те же самые слова.

Потом был разговор с мамой – мне снова пророчили увольнение, ссору с Карин и возвращение «на голову».

К тому же категорически против нашего отъезда была Сандрин.

Надо сказать, что перед тем, как заваривать всю кашу и беспокоить Карин почему зря, я спросила Давида, согласится ли он нас отпустить. Он был Роминым отцом официально и имел право запретить мне ее увозить. Он сразу согласился, хотя ему явно было нелегко. Сандрин тоже меня поддерживала в моем решении, пока, видимо, не осознала, что все может произойти на самом деле. И тут началось, она уговорила Давида отказаться от своих слов, потом она сказала Жоффруа, что я всегда мечтала уехать во Францию и искала себе француза, чтобы с ним уехать. Она убеждала Роми, что Франция – плохая страна, там все очень строгие и ей там

будет плохо.

Чем больше сопротивления я встречала со стороны родных, тем тверже становилось мое решение. Я уже совершенно не могла не видеть уродства и буквально разрухи вокруг. В течение двадцати шести лет я научилась не обращать на это внимание, просто идти куда надо и не смотреть по сторонам. Помню свою эстетическую катастрофу в первые годы жизни в Израиле. Я просто не могла видеть то, что окружало меня.

Потом я переехала в Тель-Авив и научилась любить этот запущенный, странный и страшенький городок – за веселую бесшабашность, за легкость встреч, за кипящую круглые сутки жизнь, за пляжи, за вечеринки. Я научилась не обращать внимания на страшные ветхие песочные коробки домов, на грязный, загаженный собаками асфальт под ногами, на отсутствие того, что называется архитектурой. Но я уже давно не вела ту веселую жизнь, мой ребенок ходил в школу, похожую на бомбоубежище в Афганистане, а платила я за свое проживание в районе этой школы, за продленку и за обеды так, как во Франции платят за обучение в частных престижных школах. Меня искренне удивляли люди, которые могли спокойно заявить, что наш Рамат-Ган очень красив. Я все понимаю: другого нет, любим то, что есть. Но есть же на свете какая-то объективная реальность.

Я больше не могла высматривать в этом очарование и красоту.

В конце концов мы пришли к Давиду и его жене Наталье в гости, честно поговорили, объяснили, что совсем уже не тянем здесь жить, что очень дорого, что скоро у меня совсем не будет работы, что если мы переедем подальше, то им тоже придется стать родителями Роми. Придется отвозить ее в школу, возможно даже в другой город. Водить Давид не умеет, так что это придется делать Наталье с двумя маленькими детьми в машине, надо будет купить Роми кровать и выделить комнату. Мы все понимаем, что она не должна спать в гостиной на диване, надо будет забирать и привозить ее, как это делают все папы, которые не живут с мамами своих детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.